

ОГОНЬ РАЙКИНСКОГО СВЕТОФОРА

Это очень нужная штука — светофор. Заботливая. Умаяная. Скажем, вам надо перейти улицу: вам, конечно, мидее всего, зеленый свет, но вы послушаетесь и красного и желтого. Ждете, верите светофору.

Так вот, это очень нужная штука — сатира. Не верьте никому, что у нее один — красный — свет: стоп! — невежество: стоп! — бюрократизм: стоп! — хамство... Не верьте в это. А для наглядности сходите на представление, которое дает Аркадий Райкин и которое составлено из отрывков спектакля Ленинградского театра миниатюр под названием «Светофор».

Спектакль «Светофор» пошел недавно. Сатирический же светофор Райкина, который называется его искусством, пролет во времени.

Сатирический светофор Райкина держит в постоянной боевой готовности все три огня: красный, зеленый, желтый.

С красным мы знакомы давно. Райкин — высмеивающий, Райкин — беспощадно острый, беспощадно точный, беспощадно в этом талантливый — этот Райкин давно у всех на устах. Потому красный огонь делался богаче, глубже. В него словно бы вливались другие и — странно — красный только становился ярче. Чем больше давал себе Райкин право погостить с человеком о человеке, тем больше приходился по мишии его смех.

Так мы узнали желтый свет райкинского светофора.

Теперь же чисто, сильно и нежно загорелся третий. И стала доброта. И все увидели, как близко, как органично для Райкина доброе, бережное, любовное отношение к человеку, как ценная для него каждая золотая крупинка в человеке, как гордится он ею и как любит этой гордостью поделиться с нами, зрителями.

Но мы, зрители, не удивились этому. Мы вспомнили, что никогда, в самых смешных репризах, в самых злых интермедиях, в архивных миниатюрах ирония Райкина не вставала рядом с недоброжелательностью вообще, и было всегда в них что-то, что позволяло сквозить убийственный смех, сквозить самую черную краску разглядеть светлую и добрую — верную интонацию. Райкинскую интонацию. Общую интонацию тех, для кого важно не посмеяться над человеком, а посмеяться над смешным, мелким и горьким во имя человека, любя его.

Ну, конечно же, — Чаплин. Смешной и грустный человек, великой доброты человек вспоминается с этой интонацией. Еще многие и многие...

Эта интонация проливала все райкинские номера.

Но как же для нас во сто крат дороже и красноречивее эта вот грустинка в Райкине, когда ова вдруг лирично, чистой водой прерывает течение спектакля!

Прерывает совсем незадолго — третий, зеленый; огонь в светофоре Райкина горит ясно и сильно. И не зная много сценического времени, во само качество минует — иное.

Итак, чистая лирика, разыгрываемая в лицах Райкиным, живет на сцене ровно столько минут, сколько уходит их на рассказ об одном старом районном враче и его пациентах. Пересказать сценку трудно. Райкинский «пересказ» ее трогает до слез. Райкин же в ней предельно артистически сдержан, лаконичен, милот. Так у шло водителя машин сбавляют скорость.

Райкин — лирик, такой мастер лирики — поражает. Что поставить рядом виденное у Райкина равное? Пожалуй, только «Четыре времени года», — помните: эту грустную смеху возрастов и стремлений...

В повелле о докторе замечательно не только искусством Райкина — лирика. Замечательно совпадение игрового и игрового. Новелла — о доброте и о том, что доброта обладает свойством прятаться в тени своих дел: полезное дело всегда лучше полезного слова.

Здесь, может быть, ключ и к Райкину?

Доброта, боль и нежность его — они за кадром, под масками. Райкин выпускает их на свободу только однажды в спектакле, и такое единственно точное время выбрано для этого, что

доброе слово о докторе на глазах у нас «проявляет» негати райкинской сатиры, и от того же доктора подзагаживается Райкин, пускаясь снова в свой сатирический бой. Полезное дело лучше полезного слова...

Хотя — и об этом говорит сам Райкин — слово слову рознь.

В слове Райкина — улыбка и ясная правда. И еще слово Райкина — умное, очень умное слово.

Программа концертов, которые дают в Тбилиси Райкин с писателем — сатириком Леонидом Лиходеевым, начинается монологом, который написан Лиходеевым и произносится Райкиным. Вернее, даже не произносится, а выдыхается им. Монолог о правде и лжи, о смысле своего дела, о том, что «мы не ра-бы, ра-бы не мы».

И опять — другой, удивительный Райкин. Не тот, который «смешит». И не тот, что грустит. Этот, сдержанный и мудрый Райкин, заставляя зал думать, оценивать, думать, как в топку дрова, бросает в него свои мысли сомнения, кадежду.

Доспехи сатирика, юмориста — вкратце все — оставлены до времени за кулисами. С нами говорит Райкин — публицист чистой воды. Публицистична формула его отношения к рассказываемому, «публицистично» испытание, которому он подвергает ежеминутно не чувство юмора, но гражданскую позицию зала.

Такого общественное явление, которое называется искусством Аркадия Райкина, Райкин не дает себе прихватить, не свдется застопматыли. И как всякое общественное явление, напоминает жас.

«Рассмешишь» публику — эта нель отодвигается все дальше. И публика не в обиде. Она приняла и полюбила Райкина без масок, серьезно. Просто сам Райкин, как мастер «смешного дела», поднялся до той высоты, где смех существует не сам по себе, а где правда, мудрая правда, друто замалена на смешном и грустом.

Райкин ведет концерт вместе с Леонидом Лиходеевым. Но Лиходеев способен уловить представления не только чужим своих фельетон в стихов. И не только даже тем, что большинство райкинских текстов написаны им. А вот чем. Нашли друг друга двое умных, талантливых, чутких людей. И случилось так, что у обоих сердца заболело одной болью. И в этого совпадения родилось искусство, от которого дрогнула зрительный зал. Писатель редко выходит на сцену, зато каждый вечер на сцену вместе с Райкиным воднивается его слово.

Зеленый, красный, желтый... Вы, конечно, знаете, что в светофоре Аркадия Райкина много больше огня. Пытаться их назвать — напрасный труд.

Райкин светит добрым, гревающим огнем — это верно. Мы знаем, как это не легко.

Т. ЧАНТУРИЯ.
Фото А. Саакова.

МОЛОДЕЖЬ ТРУДИТСЯ

30 ЯНВ 1968